

Александр Восьмой

**ЗОМБИ. Пепел над шоссе
(Даффи Толстяк)**

18+

Александр Восьмой

**ЗОМБИ. Пепел над
шоссе (Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

ЗОМБИ. Пепел над шоссе (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

ЗОМБИ. Пепел над шоссе: бегство без оглядки. Колонна машин пытается уйти от надвигающейся волны заражённых. На фоне бесконечного шоссе, затянутого пеленой, разворачивается драма: доверие рушится, старые обиды всплывают, а время на принятие решений сокращается до секунд. Здесь нет «хороших» и «плохих» — только те, кто держится до конца, и те, кто ломается..

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

ЗОМБИ. Пепел над шоссе (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Старт в дымке: гудок, который никто не услышал»

Рассвет был не таким, каким его привыкли видеть. Не золотым, не ласковым — он просачивался сквозь серую пелену, будто стыдился самого себя. Пепел кружился в воздухе медленными, усталыми спиралями, оседая на лобовых стёклах, на крышах машин, на плечах людей, которые ещё пытались верить, что всё обойдётся.

Колонна из полутора десятков машин собралась на окраине города, у выезда на федеральную трассу. Здесь смешались эпохи и судьбы: потрёпанный внедорожник Игоря, в котором, казалось, можно пережить и апокалипсис, и развод; мотоцикл Макса — агрессивный, чёрный, с хромированными шрамами от старых падений; минивэн, набитый чужими чемоданами и детскими игрушками; пара легковушек, чьи владельцы до последнего не верили, что придётся уезжать.

В воздухе витало напряжение — густое, как этот пепел. Кто-то нервно щёлкал поворотником, кто-то проверял зеркала, будто в них можно было увидеть не просто дорогу, а ответ: «Правильно ли мы делаем?» Радио хрипело обрывками фраз: «...не поддавайтесь панике... экстренный режим... держитесь подальше от...» А потом — треск, тишина, и только этот бесконечный белый шум, который вдруг стал громче всех криков.

Игорь вышел из машины, хлопнув дверью чуть сильнее, чем нужно. Его голос, привыкший отдавать приказы ещё со времён службы, разрезал утреннюю неуверенность:

— Так, слушайте сюда! Держим дистанцию, не гоним, но и не тормозим без команды. Если кто заглохнет — сразу выходим, не ждём. Время сейчас не друг, оно — враг.

Рядом, облокотившись на свой мотоцикл, Макс криво усмехнулся. В его ухмылке было столько дерзости, что она казалась броней.

— Командир, а если я люблю гонять? Может, я так стресс снимаю.

— А я люблю, чтобы люди живыми оставались, — отрезал Игорь, не глядя на него. — Это не ралли, Макс. Это побег.

Лена, сидевшая на бампере минивэна и поправлявшая лямки рюкзака, подняла глаза. В них не было страха — пока только усталость от того, сколько всего нужно держать в голове.

— Игорь прав, — тихо, но твёрдо сказала она. — Мы не знаем, что там. Но знаем, что здесь уже небезопасно.

И в этот момент вдалеке, за чертой города, поднялась новая волна серой мглы — не просто пепел, а что-то живое, плотное, будто само небо решило обрушиться на землю. Она ползла, пожирая кварталы, и в её движении было что-то неотвратимое, как прилив перед цунами.

— По машинам! — рявкнул Игорь, и этот крик сорвал с людей последние остатки нерешительности.

Первый рывок по шоссе был похож на кошмар, где ты бежишь, но ноги не слушаются. Кто-то заглох на старте — двигатель чихнул и умер, как будто сам отказался участвовать в этом безумии. Кто-то, в панике дёргая руль, врезался в отбойник, оставив на металле длинную, злую царапину. Машины рванули вперёд, разбрасывая гравий, глотая метры дороги, словно пытаясь убежать от собственной тени.

Макс, не дожидаясь общего темпа, рванул вперёд на мотоцикле, его силуэт мелькнул в зеркале заднего вида и исчез в дымке — будто растворился в наступающем хаосе. Игорь стиснул руль так, что побелели костяшки.

— Держи строй! — кричал он в рацию, хотя сам не знал, слышит ли его кто-нибудь.

На фоне бесконечного шоссе, затянутого пеленой, разворачивалась драма не про героев и злодеев, а про обычных людей, у которых не осталось времени на выбор. Здесь не было «хороших» и «плохих» — только те, кто держался до конца, и те, кто ломался на первом километре.

Пепел ложился на стёкла, скрывая горизонт, и казалось, что мир сузился до ширины трассы, до звука моторов, до тяжёлого дыхания тех, кто ещё верил, что успеет. А где-то позади, в городе, который они оставляли, уже шевелилось нечто, чему не нужны были машины, чтобы двигаться вперёд.

И этот первый рывок по шоссе стал не просто стартом — он стал точкой невозврата. Гудок, который никто не услышал, растворился в рёве двигателей и шелесте пепла, но его эхо осталось где-то внутри каждого: «Мы больше не можем ждать».

Глава 2. «Первая пробка: мёртвые километры»

Шоссе, которое ещё час назад казалось дорогой к спасению, теперь походило на гигантскую ловушку, выстроенную специально для них. Асфальт, исчерченный следами шин, тянулся вперёд, но не дарил надежды — он лишь подчёркивал безысходность: впереди, перекрывая все полосы, лежал перевёрнутый грузовик. Его кабина впечаталась в отбойник, кузов распластался поперёк дороги, будто огромная мёртвая тварь, преграждающая путь.

Колонна встала намертво. Сначала это была просто заминка: кто-то нервно сигналил, кто-то пытался сдать назад, но сзади уже напирала другие машины, и пространство для манёвра стремительно исчезало. Потом пришло осознание: они застряли. И самое страшное — время, которого и так было в обрез, утекало сквозь пальцы, как песок сквозь решётку ливнёвки.

Игорь выскочил из внедорожника, хлопнув дверью так, что звук отозвался глухим эхом в плотной, пропитанной пеплом тишине. Он шурился, вглядываясь в обломки впереди, будто надеялся найти в них хоть какой-то намёк на выход.

— Так, слушайте! — голос Игоря был резким, но в нём уже не было прежней уверенности, только жёсткая необходимость держать остальных от паники. — Нужно расчистить путь. Кто с нами?

Рядом, не дожидаясь приглашения, шагнул Сергей — бывший военный, молчаливый и собранный, с тем особенным спокойствием, которое бывает у людей, привыкших видеть худшее. За ним вышел Толик — молодой парень с вечно виноватым взглядом, будто он заранее извинялся за то, что вообще существует.

— Я помогу, — пробормотал он, поправляя кепку, которая никак не хотела сидеть ровно.

Макс появился из дымки, как призрак: его мотоцикл замер на обочине, а сам он подошёл, засунув руки в карманы, будто это была не катастрофа, а просто неудобная пробка на выезде из города.

— Ну, и что мы будем делать? Поднимем эту штуку силой мысли?

— Нет, — отрезал Игорь. — Будем делать руками. И быстро.

Они двинулись к грузовику, и с каждым шагом воздух становился тяжелее, будто сама атмосфера давила на плечи. Пепел оседал на одежде, хрустел на зубах, забивался в лёгкие. Когда они подошли ближе, стало видно, что кабина искорежена не только от удара: на металле были глубокие, неровные борозды, будто кто-то или что-то царапало его изнутри.

Сергей присел, изучая завал.

— Тут не поднять. Даже лебёдкой будет сложно. Нужно искать объезд.

Но Игорь уже покачал головой.

— Объезда нет. С одной стороны — обрыв, с другой — лесополоса, где неизвестно что прячется. Мы должны пройти здесь.

В этот момент сзади раздался звук, от которого у всех внутри что-то оборвалось. Это не был ветер. Не был шум машин. Это был глухой, ритмичный гул, похожий на топот тысяч ног,

сливающийся в единый, нарастающий рокот. Он шёл волной, накатывая, как прибой, только вместо воды был хаос.

Лена, которая всё это время стояла у машины, прижимая к груди рюкзак, вдруг подняла голову. Её лицо побелело.

— Они идут, — прошептала она, и это прозвучало громче любого крика.

Гул нарастал. Он проникал под кожу, заставлял сердце биться в такт этому чудовищному ритму. Игорь метнулся к рации, но та молчала — только белый шум, который теперь казался издевательским.

— Бросаем машины, — рявкнул он, и в его голосе не осталось ничего, кроме холодной необходимости. — Берём только самое нужное. Идём вперёд.

Началась суматоха: люди выскакивали из салонов, хватали сумки, детей, какие-то вещи, которые в нормальной жизни казались важными, а сейчас были просто лишним грузом. Кто-то плакал, кто-то кричал, кто-то молча застёгивал куртку, будто это могло защитить от того, что надвигалось сзади.

Группа собралась у обочины — не стройный отряд, а кучка перепуганных людей, у которых не было времени на сомнения. Игорь быстро распределил роли: Сергей и Макс — в авангарде, Лена — в центре, с теми, кто слабее, сам Игорь — замыкающим.

— Держимся вместе. Не бежим. И не оглядываемся, — приказал он, хотя сам не мог не бросать взгляды назад, туда, где серая пелена уже начинала шевелиться.

Они двинулись вдоль трассы, прижимаясь к отбойнику, стараясь не шуметь, но каждый шаг отдавался в груди, как удар молота. Впереди, метрах в двухстах, виднелась старая бензоколонка — ржавая, полуразрушенная, с покосившейся вывеской, которая скрипела на ветру, будто предупреждала: «Не подходи».

Именно там всё и случилось.

Когда первые заражённые вырвались из пелены, это было похоже на волну, которая сметает всё на своём пути. Они бежали не как люди — без грации, без ритма, только с одной целью: настичь. Их движения были дёргаными, неестественно резкими, будто суставы не слушались, а воля к движению исходила откуда-то извне.

Кто-то закричал. Этот крик разорвал хрупкое спокойствие, и группа рассыпалась, как картонная колода на ветру. Макс рванул вперёд, Сергей прикрывал отход, Игорь пытался собрать всех вместе, но хаос уже взял верх.

У бензоколонки вспыхнуло пламя — то ли кто-то уронил зажигалку, то ли искра попала на пролитый бензин, но огонь взметнулся вверх, озарив сцену жутким, пульсирующим светом. В его отблесках лица людей казались масками, а тени — чудовищами.

И тогда настал момент выбора.

Толик, который всё ещё держался рядом с Леной, вдруг замер, глядя куда-то в сторону.

— Там... там кто-то есть, — прошептал он, указывая на тёмный проём в стене здания.

Но Лена уже поняла: это не спасение. Это ловушка.

— Беги! — крикнула она, толкая его вперёд, к группе, которая пыталась собраться у дальнего угла заправки.

А сзади уже надвигалась орда. Они были в нескольких десятках метров, и расстояние сокращалось с каждой секундой.

Игорь остановился, глядя на своих людей — на Макса, который уже стоял в боевой стойке, на Сергея, сжимавшего в руках кусок арматуры, на Лену, которая пыталась увести детей в укрытие. Он знал, что не все смогут уйти. И знал, что кто-то должен остаться, чтобы выиграть эти драгоценные минуты.

— Макс, — крикнул он, перекрывая рёв огня и крики заражённых. — Веди их к лесополосе. Там есть овраг — он скроет их от взгляда. Я задержу.

Макс хотел возразить, открыть рот, чтобы сказать что-то дерзкое, привычное, но в этот раз в его глазах мелькнуло понимание. Он кивнул, коротко, резко, и схватил Лену за руку.

— Пошли! Быстрее!

Группа рванула прочь, растворяясь в дымке, оставляя Игоря одного перед надвигающейся волной. Он поднял кусок арматуры, тяжёлый, неудобный, но достаточно острый, чтобы стать оружием. Его дыхание было ровным, почти спокойным, будто он наконец-то нашёл своё место в этом хаосе.

Заражённые приближались. Их было много — слишком много, чтобы надеяться на чудо. Но Игорь не надеялся. Он просто делал то, что должен был сделать.

Первый удар прозвучал как приговор. Металл встретился с плотью, и мир на мгновение сжался до этой точки — до удара, до крика, до вспышки боли и ярости. Игорь отбивался, отступая шаг за шагом, давая тем, кто ушёл, шанс на ещё несколько метров, на ещё несколько секунд жизни.

Пепел кружился вокруг, смешиваясь с дымом и кровью, и шоссе, которое должно было стать дорогой к спасению, превратилось в поле битвы, где каждый метр был оплачен страхом, болью и решимостью. Здесь не было героев — были только люди, которые пытались выжить. И те, кто был готов умереть, чтобы другие смогли сделать ещё один шаг вперёд.

Глава 3. «Тени у обочины: кто не вернулся»

Ночь выдалась не на выживание — на распад. Она крошила людей по крупичкам, забирала силы, обнажала слабости и оставляла после себя горькое послевкусие утра, в котором не хотелось открывать глаза. Ночной переход по обочине, где каждый камень норовил подставить подножку, а каждый шорох в лесополосе звучал как приговор, выжал из группы всё. Они шли не колонной — они шли цепью, держась за плечи, за лямки рюкзаков, за собственные страхи, чтобы не рассыпаться в темноте.

Рассвет не принёс облегчения. Он просто сменил одну серую пелену на другую — чуть светлее, чуть прозрачнее, но такую же безжалостную. Пепел, осевший за ночь, хрустел под подошвами, будто сухая кость. И тишина... Она была не мирной, а зловещей — такой, когда отсутствие звуков пугает больше любого крика.

У придорожного кафе, полуразрушенного, с выбитыми витринами и покосившейся вывеской «Уют», выжившие наконец остановились. Здание выглядело как насмешка над названием: никакого уюта, только пустые глазницы окон и запах гари, въевшийся в кирпичную кладку. Но здесь была тень, здесь можно было на секунду опустить плечи и посмотреть друг на друга — чтобы понять, сколько их осталось.

Лена присела на бетонный обломок у входа, стянула перчатки и принялась осматривать сбитые ладони. Её движения были механическими, отточенными годами практики в городской поликлинике, где она когда-то работала медсестрой. Теперь эти навыки стали не просто профессией — они стали щитом для остальных. Рядом опустилась молодая женщина с ребёнком на руках; мальчик дрожал, прижимая к груди потрёпанного плюшевого медведя, словно тот мог защитить от того, что осталось позади. Лена молча достала из рюкзака бинт и антисептик, её взгляд был спокойным, но в нём читалась усталость, которая копилась не одну ночь.

— Держи руку ровно, — тихо сказала она, и в этом голосе не было ни капли раздражения, только необходимость удержать хоть что-то под контролем.

В стороне, у ржавого навеса, Сергей методично разбирал и собирал автомат. Его лицо оставалось непроницаемым, будто он не здесь, будто это не пепел оседает на затворную раму, а обычная пыль на полигоне. Он не любил разговоров, не любил утешений, не любил пустых надежд. Его язык был в движениях: проверить патронник, щёлкнуть затвором, убедиться, что механизм не подведёт, когда снова придётся стрелять. Для него это был ритуал, молитва, способ сказать: «Я готов».

Макс стоял у края обочины, глядя туда, где шоссе уходило в дымку, будто пытаясь разглядеть в этой серой вуали следы тех, кто не дошёл. Он кутался в куртку, хотя утро не было холодным — холод сидел внутри, в костях, в памяти о том, как легко человек исчезает в этой пустоте.

Игорь подошёл к группе, его лицо было серым от пепла и усталости. Он остановился, обвёл взглядом тех, кто остался, и понял: цифры не сойдутся.

— Где Толик? — спросил он, и в этом вопросе не было гнева — только ледяная необходимость знать правду.

Тишина повисла, тяжёлая, липкая, как паутина. Кто-то отвёл глаза, кто-то сжал кулаки, кто-то сделал вид, что занят чем-то важным. Но все знали, о ком речь.

— Он... он отстал, — тихо пробормотал парень из минивэна, тот самый, что всю дорогу держал в руках фотоаппарат, будто надеялся, что снимки сохраняют мир таким, каким он был раньше. — Мы шли по обочине, и он вдруг остановился. Там была собака... раненая. Он сказал, что не может просто пройти мимо.

Лена подняла голову, её пальцы замерли на бинте.

— Собака? — переспросила она, будто в этом слове был какой-то скрытый смысл.

Парень кивнул, его голос дрожал:

— Да. Лежала у отбойника, скулила. Толик хотел ей помочь... Он сказал: «Если я не помогу, кто тогда?» И мы... мы пошли дальше. А когда оглянулись, его уже не было.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как камни. Никто не хотел признавать, что они оставили его. Не бросили — оставили. Потому что время сжималось, потому что сзади надвигалась тьма, потому что каждый шаг мог стать последним. Но от этого не становилось легче.

— Мы должны были вернуться, — прошептала женщина с ребёнком, и из её глаз показались слёзы, смешиваясь с пеплом на щеках.

— Вернуться куда? — резко оборвал её Макс, поворачиваясь. Его голос звенел от напряжения. — В эту дымку? Туда, где они? Мы бы просто легли рядом с ним.

— Но он был с нами! — крикнула она, и крик прозвучал как удар по нервам, разрывая хрупкое равновесие.

Сергей молча щёлкнул затвором, будто этим звуком хотел заглушить нарастающий хаос. Игорь поднял руку, останавливая спор, хотя сам чувствовал, как внутри всё сжимается от тяжести этого выбора.

— Мы не могли, — тихо, но твёрдо сказал он. — И это не оправдание. Это факт. Мы потеряли Толика. И теперь должны жить с этим. Но мы не имеем права потерять ещё кого-то.

На горизонте, там, где небо сливалось с землёй в единую серую массу, что-то шевельнулось. Сначала это казалось игрой света, иллюзией, порождённой усталостью и пеленой. Но потом стало ясно: это не ветер. Это движение. Плотное, ритмичное, неотвратимое. Новая волна заражённых надвигалась, как тёмная река, готовая поглотить всё на своём пути.

Лена быстро спрятала аптечку, её движения стали резкими, собранными. Сергей проверил магазин, перевёл оружие в боевое положение. Макс сжал кулаки, его взгляд стал острым, как лезвие. Игорь посмотрел на своих людей — не на отряд, не на команду, а на группу случайных людей, которых связала одна беда.

— Собираемся, — коротко бросил он. — У нас есть пять минут, чтобы уйти.

Они поднялись, стряхивая с себя пепел и вину, как старую кожу. Каждый нёс свой груз: кто-то — вещи, кто-то — воспоминания, кто-то — чувство вины, которое жгло изнутри. Но сейчас не было времени разбираться с этим. Сейчас нужно было просто идти.

Кафе осталось позади, превратившись в ещё одну тень у обочины — тень, под которой они пытались пересчитать потери и понять, кто из них ещё держится, а кто уже сломался. Шоссе тянулось вперёд, бесконечное, серое, безжалостное. И где-то в этой дымке прятались

тени тех, кто не вернулся. Они не кричали, не звали на помощь — они просто исчезли, став частью этого мёртвого пейзажа.

Но впереди ждала новая битва. И на этот раз никто не мог позволить себе оглянуться.

Глава 4. «Придорожный бункер: иллюзия безопасности»

Съезд с шоссе выглядел как забытый богом проулок: ржавые отбойники, покосившиеся знаки и трава, пробившаяся сквозь трещины асфальта, будто сама земля пыталась стереть следы цивилизации. Группа двигалась вдоль обочины, прижимаясь к тени редких деревьев, и каждый шаг давался тяжелее предыдущего — ноги наливались свинцом, а воздух, пропитанный пеплом, царапал горло.

Впереди Макс, шедший в авангарде, вдруг замер, подняв руку в условном сигнале «стоп». Он стоял неподвижно, словно статуя, и только глаза его бегали по ландшафту, выцепляя детали.

— Смотрите, — тихо бросил он, указывая на едва заметный бетонный козырёк, наполовину скрытый кустарником. — Люк. И не просто люк — целый блок. Похоже на старый армейский объект.

Игорь подошёл ближе, прищурившись. В его взгляде читалось недоверие, смешанное с отчаянной надеждой.

— Бункер, — пробормотал он, проводя ладонью по шершавому бетону, будто проверяя, не мираж ли это. — Если там есть хоть что-то — вода, припасы, стены, которые выдержат...

Лена, державшая на руках ребёнка, устало кивнула:

— Нам нужно укрытие. Хоть на пару часов. Чтобы перевести дух.

Сергей молча проверил магазин автомата, потом окинул взглядом окрестности — словно пытался увидеть то, что пряталось за пеленой.

— Если это ловушка, мы узнаем быстро, — произнёс он без эмоций.

Вход оказался приоткрыт — не распахнут настежь, а именно приоткрыт, будто кто-то выходил отсюда совсем недавно и не успел или не захотел закрыть за собой. Эта деталь заставила Игоря напрячься ещё сильнее.

— Держим строй, — прошептал он. — Макс, ты первый, но без геройства. Сергей — за ним. Лена, держись в середине. И никаких резких движений.

Макс скользнул внутрь, пригнувшись, его силуэт растворился в полумраке. За ним последовал Сергей, затем Игорь, замыкая цепочку. Лена шла, прижимая к себе мальчика и стараясь не смотреть по сторонам — но периферическое зрение всё равно выхватывало фрагменты: ржавые трубы, облупившуюся краску, тёмные провалы коридоров.

Внутри бункер пах сыростью, металлом и чем-то ещё — тяжёлым, затхлым, будто само пространство хранило в себе дыхание смерти. Свет фонарика выхватывал из темноты детали: пустые стеллажи, ящики с полустёртыми маркировками, обрывки кабелей, свисающие, как высохшие лианы.

— Тут кто-то был, — тихо сказал Макс, пиная ногой пустой ящик. — Совсем недавно.

Лена присела на край металлического ящика, осторожно опуская ребёнка на пол. Мальчик тут же прижался к ней, пряча лицо в складках куртки.

— Тихо, — прошептала она, глядя его по волосам. — Мы в безопасности. Пока.

Но слово «пока» повисло в воздухе, как предупреждение.

Игорь прошёл дальше, в небольшую комнату, где на столе лежал потрёпанный блокнот. Он поднял его, стёр пыль, и буквы проступили — неровные, торопливые, будто писались в спешке, когда время уже истекало.

«День 17. Карантин не сработал. Вирус мутирует быстрее, чем мы успеваем фиксировать симптомы. Объект заражён. Персонал... (далее строка зачёркнута). Мы думали, что стены спасут. Мы ошибались. Они приходят по вентиляции. Слышу шорохи за стеной. Если кто-то найдёт это — не оставайтесь здесь. Уходите. Уходите немедленно».

Игорь медленно опустил блокнот, его лицо стало каменным.

— Это не убежище, — тихо произнёс он, и его голос прозвучал как приговор. — Это могила.

В этот момент из дальнего коридора донёсся звук. Тихий. Едва уловимый. Но такой знакомый, что у всех внутри всё оборвалось. Шорох. Будто кто-то провёл когтями по металлу. Потом ещё один. И ещё. Ритмичный, нарастающий, как пульс больного сердца.

Макс резко развернулся, выхватывая нож, его поза стала хищной, собранной. Сергей поднял автомат, целясь в темноту, где свет фонарика терялся, растворяясь в густой тени. Лена прижала ребёнка к себе, закрывая его собой, будто её тело могло стать щитом.

— Назад, — скомандовал Игорь, но его голос уже не звучал уверенно. — К выходу. Медленно. Не бегите.

Они попятились, не сводя глаз с коридора, из которого доносились звуки. Каждый шаг отдавался в груди, как удар молота. В воздухе витало напряжение, густое, как смола, сковывающее движения.

Вдруг из темноты вырвалась фигура — не человек, а искажённая тень,двигающаяся неестественно, дёргано, будто суставы не принадлежали ей. Она метнулась вперёд, и Сергей выстрелил — резко, без колебаний. Звук выстрела оглушил, отдался эхом в бетонных стенах, и на мгновение всё замерло.

Фигура рухнула, но из темноты показались ещё две. Потом ещё. Они появлялись из боковых проходов, из вентиляционных решёток, из теней — будто само пространство рождало их.

— Бежим! — крикнул Игорь, и этот крик разорвал хрупкую тишину бункера.

Группа рванулась к выходу, спотыкаясь о ящики, цепляясь за стены, глотая воздух, который вдруг стал слишком густым. Макс первым выскочил наружу, за ним Сергей, потом Лена с ребёнком, Игорь замыкал отход.

Когда они оказались на улице, свежий (насколько это слово вообще имело смысл в этом пепельном мире) воздух ударил в лёгкие, но облегчения не принёс. Напротив — он напомнил, что опасность не осталась внутри. Она была здесь. Она была везде.

Бункер смотрел на них тёмными провалами входов, как пустые глазницы черепа. И в этой тишине, нарушаемой только их тяжёлым дыханием, стало ясно: они не нашли спасение. Они нашли подтверждение своих худших страхов.

— Дальше, — прохрипел Игорь, вытирая пот и пепел с лица. — Нельзя останавливаться.

И группа двинулась вдоль шоссе, оставляя позади бетонную иллюзию безопасности. Теперь каждый километр дороги казался более реальным, чем любые стены. Потому что здесь, под открытым небом, они хотя бы видели врага. А в бункере враг прятался в тених — и ждал.

Глава 5. «Тоннель страха: свет в конце — или ловушка?»

Тоннель будто был вырублен в самой тьме — мрачный, тяжёлый, с низким сводом, который давил на плечи, заставляя невольно пригибаться. Он уходил вперёд чёрной пастью, поглощая свет фонарей и возвращая его обратно каким-то искажённым, жалким отблеском. Пепел здесь не кружился в воздухе — он лежал плотным слоем на полу, на рельсах, на ржавых креплениях, будто время в этом месте остановилось и превратилось в пыль.

Игорь шёл первым, держа фонарь так, чтобы луч не дрожал. Это была иллюзия контроля: на самом деле его рука слегка подрагивала, но он сжимал рукоять до побеления пальцев, не позволяя себе показать слабость. За ним двигался Сергей, его автомат был направлен вперёд, будто сам ствол мог раздвинуть тьму. Макс держался чуть сбоку, скользя взглядом по стенам, выискивая любую угрозу в игре теней. Лена шла с ребёнком, крепко держа его за руку; мальчик не плакал, не жаловался — он просто шёл, сжав губы, как будто боялся, что любой звук разбудит то, что пряталось в темноте.

Стены шептали. Не словами — эхом шагов, скрипом креплений, шорохом осыпающейся штукатурки. Каждый звук множился, отражался от бетона и возвращался, будто тоннель был живым и проверял их на прочность. Фонари выхватывали из темноты фрагменты: облупившуюся краску, ржавые рельсы, странные тёмные потёки на стенах, похожие на засохшую кровь. На полу виднелись следы — не человеческие, а какие-то неровные, будто кто-то волочил ноги, не поднимая их.

— Держите дистанцию, — тихо бросил Игорь, и его голос прозвучал непривычно глухо, будто тоннель заглатывал даже слова. — Не сбивайтесь в кучу.

Макс хмыкнул, но в этом звуке не было привычной дерзости — только нервное напряжение.

— Тут хоть эхо мне ответит, если я закричу?

— Лучше не проверяй, — буркнул Сергей, не отрывая взгляда от темноты впереди.

Они шли, и с каждым шагом пространство будто сжималось. Казалось, свод опускается ниже, стены сдвигаются, а тьма становится плотнее, словно пыталась вытеснить их обратно. В какой-то момент Лена остановилась, прислушиваясь.

— Вы слышали? — прошептала она, вглядываясь в полумрак. — Будто кто-то дышит. Прямо за спиной.

Все замерли. Тишина стала острой, звенящей, такой, когда любой шорох кажется криком. Макс медленно обернулся, водя лучом фонаря по пространству позади них. Луч выхватил только пыль, оседающую в конусе света, и ржавые крепления.

— Пусто, — наконец сказал он, но голос его звучал неуверенно.

— Или мы просто не видим, — пробормотал Игорь и махнул рукой: — Двигаемся.

Они пошли дальше, и тоннель будто издевался над ними: каждый шаг отдавался эхом, множился, сливался в странный ритм, похожий на тяжёлое дыхание огромного зверя. Стены сжимались, тьма давила, а свет фонарей становился всё более жалким, будто сам тоннель высасывал из него силу.

В середине пути случилось то, чего все боялись. Основной прожектор, который нёс Игорь, вдруг мигнул, зашипел и погас. Тьма обрушилась мгновенно, безжалостно, как удар. Она была не просто отсутствием света — она была плотной, осязаемой, будто живой. Паника вспыхнула мгновенно, как сухая трава от искры.

Кто-то закричал. Кто-то рванулся вперёд, споткнулся о рельс и упал, поднимая облако пыли. Кто-то замер, прижавшись к стене, будто надеялся, что бетон защитит его от того, что скрывалось во тьме. В этой давке, в этом хаосе, характеры проявились ярче, чем когда-либо.

Лена, несмотря на собственный страх, опустилась на колени рядом с упавшим человеком, схватила его за руку и потянула вперёд.

— Вставай! Вставай, мы не можем тут оставаться!

Макс, вместо того чтобы поддаться панике, резко схватил фонарь у Сергея, выхватил из кармана зажигалку и щёлкнул ею, пытаясь хоть на секунду разогнать тьму.

— Держитесь за голоса! — крикнул он, перекрывая крики. — Держитесь за мой голос! Я здесь!

Сергей, сохраняя ледяное спокойствие, поднял автомат и направил его в темноту, будто даже в полной тьме он мог целиться по звуку.

— Тихо! — рявкнул он, и этот голос, жёсткий и властный, заставил всех замолчать. — Паника убьёт нас быстрее, чем они. Дышите. Слушайте. Двигаемся вперёд. Медленно.

Постепенно хаос начал отступать. Люди цеплялись за эти слова, как за канат над пропастью. Они снова выстроились в цепочку, держась за плечи, за куртки, за руки, и пошли вперёд, в темноту, которая казалась бесконечной.

Когда свет наконец выхватил выход, все вздохнули с облегчением. Но оно было преждевременным. Выход оказался завален: груда бетонных обломков, ржавых балок и мусора перекрывала путь, будто сама земля решила похоронить тоннель.

— Нет... нет, только не это, — прошептал кто-то, и в этом шёпоте слышался весь ужас долгого пути, который оказался тупиком.

Игорь подошёл к завалу, провёл рукой по холодному бетону, будто надеялся найти в нём хоть какую-то лазейку. Но выхода не было. Ни щели, ни прохода, ни надежды.

И тогда Макс заметил то, что остальные пропустили: в стороне, почти скрытый тенью, зиял тёмный провал — люк, ведущий вниз, в технические шахты. Ржавые скобы уходили в черноту, обещая не спасение, а новую неизвестность.

— Там, — коротко бросил Макс, указывая на люк. — Другого пути нет.

Лена посмотрела на него, её глаза были полны страха, но в них читалась и решимость.

— Ты уверен?

Макс криво усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья — только горькое принятие реальности.

— Уверен только в одном: стоять тут нельзя.

Сергей первым подошёл к люку, посветил вниз и нахмурился.

— Шахта старая. Может быть нестабильной. Но если там есть проход...

— То мы его найдём, — закончил Игорь, его голос звучал твёрдо, хотя внутри всё сжималось от понимания, что они снова идут в неизвестность.

Один за другим они начали спускаться в темноту. Люк захлопнулся над ними с глухим лязгом, отрезая даже тот жалкий свет, который ещё оставался. Теперь их вела только надежда и вера в то, что впереди есть путь.

Тоннель остался позади, но его тьма не исчезла — она просто сменила форму. Теперь она была внизу, вокруг, внутри них. И каждый шаг по ржавым скобам отдавался не просто эхом — он звучал как вопрос: «А что, если это конец?»

Но они шли. Потому что остановиться означало сдаться. А сдаваться они пока не собирались.

Глава 6. «Шахты: где не слышно криков»

Подземные коммуникации были не просто лабиринтом — они были другой вселенной, где законы привычного мира не работали. Здесь не было неба, не было горизонта, не было даже понятия «вперёд»: только бесконечные коридоры, уходящие в темноту, и ржавые трубы, которые стонали, будто живые. Воздух был густым, пропитанным сыростью и запахом старой гнили; он оседал в лёгких, заставляя дышать реже, чтобы не чувствовать эту тяжесть.

Фонари выхватывали из тьмы лишь узкие конусы света, и в них всё выглядело искажённым: облупившаяся краска казалась чешуёй чудовища, ржавые решётки — клыками ловушки, а тени на стенах шевелились, будто пытались вырваться наружу. Каждый шаг отдавался глухим эхом, но звук не улетал ввысь — он стелился по полу, растворялся в сырости, словно шахты не хотели выпускать ни единого звука наружу.

Здесь заражённые вели себя иначе. Они не неслись напролом, как на открытых пространствах, а крались, сливаясь с тенями, используя темноту как оружие. Их движения были почти бесшумными — лишь иногда слышался тихий скрежет когтей по бетону или едва уловимый шорох, от которого кровь стыла в жилах. В этом безмолвии любой звук становился предательством.

Группа двигалась цепочкой, держась друг за друга: рука на плече, пальцы сжимают ткань куртки, будто это могло удержать их от падения в бездну. Игорь шёл первым, его фонарь метался по стенам, выхватывая то ржавую табличку с полустёртыми буквами, то тёмный проём, похожий на пасть. Сергей прикрывал тыл, его взгляд скользил по каждому углу, по каждой

тени, выискивая угрозу раньше, чем она проявит себя. Макс шагнул рядом с Игорем, и в его движениях чувствовалось напряжение — не боевое, а нервное, как у зверя, загнанного в угол. Лена замыкала цепочку, ведя за руку мальчика; её пальцы были ледяными, но хватка — железной.

— Ещё один поворот, — пробормотал Игорь, вглядываясь в схему, которую он пытался восстановить по памяти. — Должен быть выход к насосной станции. Оттуда можно подняться на поверхность.

Макс резко остановился, его лицо в свете фонаря выглядело бледным, почти серым.

— Ты уверен? — голос его звучал жёстко, без привычной насмешки. — Или ты просто повторяешь это, чтобы мы не сошли с ума?

Игорь медленно обернулся. В его глазах не было гнева — только усталость, тяжёлая, как бетонная плита.

— Я не обещаю, что это выход. Я обещаю, что это направление. Если у тебя есть лучше — скажи.

— Лучше? Лучше — это не быть здесь! — Макс сделал шаг вперёд, его голос поднялся, и этот звук, отразившись от стен, ударил по нервам, как хлыст. — Мы идём по кругу! Эти коридоры одинаковые! Ты ведёшь нас на смерть, Игорь!

Лена рванулась вперёд, вставая между ними, её движения были резкими, но в них не было агрессии — только отчаянная необходимость удержать группу от распада.

— Тихо! — прошептала она, но в этом шёпоте было столько силы, что оба мужчины замерли. — Если ты хочешь кричать — делай это потом. Когда мы выберемся. А сейчас любой звук — это маяк для них. Ты этого хочешь?

Макс стиснул кулаки, его грудь вздымалась, но он не ответил. Вместо этого он отвернулся, будто стыдился собственной слабости.

— Прости, — наконец бросил он, не глядя на них. — Просто... тут слишком темно. И слишком тихо.

Сергей молча кивнул, будто этим жестом подтверждал: да, тут страшно, и это нормально.

Они двинулись дальше, и каждый коридор действительно казался копией предыдущего: те же трубы, те же решётки, те же тёмные проёмы, ведущие в никуда. Время потеряло смысл; минуты растягивались в часы, а шаги сливались в бесконечный ритм, который начинал звучать как приговор.

В одном из тупиков они остановились, чтобы перевести дух. Пространство здесь было чуть шире, но от этого не становилось легче — напротив, стены будто давили сильнее, а тишина становилась оглушительной. Лена присела на ржавый ящик, прижимая к себе мальчика, который уже не спрашивал, куда они идут, а просто доверял ей.

И вдруг из темноты донёсся звук. Не шорох заражённого, не скрип трубы — а человеческий вздох. Тихий, прерывистый, будто кто-то пытался сдержать боль.

Все замерли. Фонари метнулись в сторону звука, выхватывая из тьмы фигуру, прижавшуюся к стене. Это был старик — седой, сгорбленный, в грязной, изодранной одежде. Его глаза были широко раскрыты, в них застыл ужас, который, казалось, въелся в самую его суть.

— Кто... кто вы? — прошептал он, прикрываясь рукой, будто свет мог причинить ему боль.

Игорь шагнул вперёд, но не слишком близко — он знал, что резкие движения здесь могут быть смертельны.

— Мы выжившие, — тихо сказал он. — Ищем выход. Вы знаете эти шахты?

Старик кивнул, его голова дёргалась, как у марионетки.

— Знаю... знаю каждый метр. Я тут... я тут прятался. Они ходят по ночам. Но не только по ночам... они чувствуют звук. Вибрацию. Даже дыхание.

Лена подошла ближе, опустила на корточки, стараясь не напугать его.

— Расскажите нам, как выбраться. Пожалуйста.

Старик посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на надежду.

— Есть путь... через старые дренажные тоннели. Они ведут к коллектору, а оттуда — на поверхность. Но... но там опасно. Там они... они любят сидеть в воде.

Макс хмыкнул, но в этот раз без злости — скорее с горькой иронией.

— То есть лучший путь — через место, где они любят сидеть. Отлично.

Старик вдруг схватил Лену за рукав, его пальцы впились в ткань, как когти.

— Не идите туда! — прошептал он, и в его голосе звучал не страх, а знание, оплаченное болью. — Они не просто кусают. Они... они забирают голос. Вы кричите, а звука нет. Только воздух уходит. И они улыбаются.

Его слова повисли в воздухе, тяжёлые, как капли воды, падающие с труб. Они звучали как бред, но в этой бредовой картине было слишком много деталей, слишком много правды, чтобы просто отмахнуться.

— Вы можете нас провести? — спросил Игорь, и в его голосе не было приказа — только просьба.

Старик медленно кивнул, но его глаза оставались пустыми, будто он уже видел, чем всё закончится.

— Могу. Но я не обещаю, что мы дойдём.

Они двинулись за ним, и теперь каждый шаг давался тяжелее: не только из-за усталости, но и из-за тяжести слов старика, которые оседали на плечи, как мокрый пепел. Он шёл впереди, показывая путь, но его движения были дёргаными, неуверенными, будто он сам не верил, что ведёт их к спасению.

В какой-то момент он остановился у ржавой двери, покрытой странными отметками — царапинами, похожими на календарь, где каждый день был отмечен как последний.

— Здесь, — прошептал он, указывая на проход за дверью. — Отсюда начинается дренаж.

Игорь положил руку на ручку, но вдруг замер. Из-за двери доносился звук. Тихий, ритмичный, похожий на плеск воды. Но в этом плеске слышалось что-то ещё — будто кто-то или что-то двигалось в темноте, ожидая.

— Готовьтесь, — тихо сказал Игорь, и его голос звучал как удар колокола в тишине.

Шахты не кричали. Они шептали. И этот шёпот обещал, что не все выйдут наружу. Но они должны были попробовать. Потому что оставаться здесь означало сдаться. А сдаваться они пока не собирались.

Глава 7. «Старый смотритель: правда, которую никто не хочет слышать»

В узком проёме дренажного коридора, где воздух был густым, как смола, а каждый вдох отдавался хрипом в груди, Василий — тот самый старик, которого они нашли в тупике, — наконец остановился. Он прислонился к ржавой переборке, будто она была единственной вещью в этом мире, которая ещё могла его удержать. Его плечи вздымались тяжело, а в глазах застыло выражение человека, который слишком долго нёс на себе груз, который никто не хотел видеть.

— Дальше... дальше будет коллектор, — прохрипел он, вытирая рукавом рот, на котором осталась тёмная полоса пыли и крови. — Оттуда можно подняться по старой лестнице к депо. Но... там шумно. И они любят шум.

Лена шагнула ближе, стараясь говорить тихо, чтобы голос не разлетелся эхом по трубам.

— Откуда ты знаешь? Ты ведь не просто так тут прятался?

Василий медленно поднял на неё взгляд. В нём не было ни хитрости, ни желания понравиться — только усталость, такая глубокая, что казалась вечной.

— Я не прятался. Я работал здесь. Двадцать семь лет. Спускался первым, поднимался последним. А потом... потом всё изменилось.

Макс, стоявший чуть в стороне, скрестив руки, фыркнул, но в этом звуке не было веселья — скорее защитная реакция на то, что слова старика начинали звучать слишком правдоподобно.

— И что изменилось? Внезапно трубы заговорили?

Игорь бросил на Макса короткий, острый взгляд, призывая к тишине, и повернулся к Василию.

— Расскажи. Всё. С самого начала.

Старик кивнул, будто ждал этого вопроса. И начал говорить — не как герой легенды, а как человек, которому нечего терять.

— Инфекция пришла не извне. Не с неба, не с ветром. Её сделали здесь. Под землёй, в старой лаборатории, которую переделали под исследовательский комплекс. Говорили — лекарство от всего. А вышло... вышло то, что ходит сейчас по коридорам. Учёные думали, что стены их защитят. Думали, что фильтры и шлюзы — это граница. Но вирус... он не такой. Он ищет щели. Он ползёт по вентиляции, по кабелям, по воде. Я видел, как они пытались его удержать. Видел, как закрывали гермодвери, а потом сами становились теми, кого пытались остановить.

Сергей, до этого молчавший, вдруг тихо произнёс:

— Дневник из бункера. Там было про вентиляцию. Про то, что они приходят оттуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.